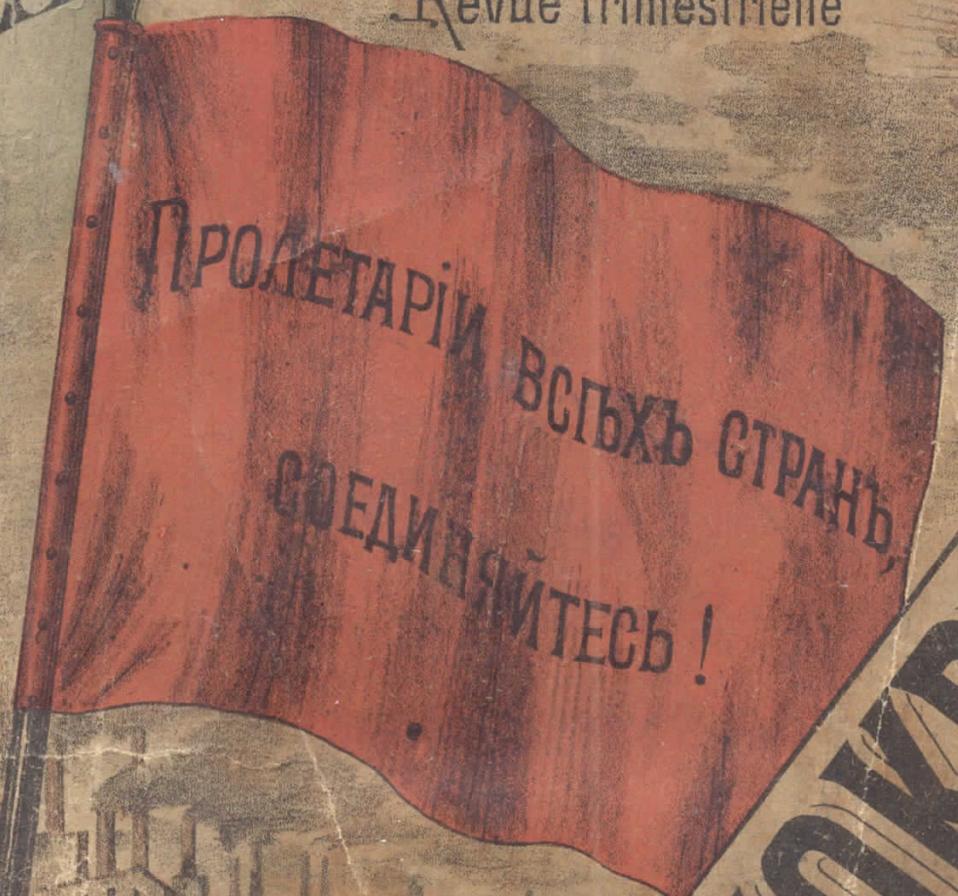

LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE.

Revue trimestrielle

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

N° 1

ТРЕХМЕСЯЧНОЕ
ЛИТЕРАТУРНО
ПОЛИТИЧЕСКОЕ

БОЗРЪНІЕ

ЛОНДОНЪ

ТИПОГРАФІЯ „СОЦІАЛЬ-ДЕМСКРАТА”

1890

П 12150.

Russischer Leserverein

LE

93

DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

трехмѣсячное
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
обозрѣніе.

ФЕВРАЛЬ
книга первая.

ЛОНДОНЪ
Типографія "Соціаль-Демократа"
1890

Содержаніе.

	Стр.
ОБЪ ИЗДАНИИ „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“	1
УЛИЧНАЯ ТОРГОВКА, разсказъ Поля Эзи, переведено съ французскаго.	3
НАШИ БЕЛЛЕТРИСТЫ - НАРОДНИКИ. Статья вторая (С. Каронинъ). Г. Плеханова	12
РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ ИЗЪ БУРЖУАЗНОЙ СРЕДЫ В. Засуличъ	49
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ. Г. Плеханова	79
ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА РУССКАГО ЦАРСТВА . Фридриха Энгельса	175

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ

СТОЛѢТІЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.	1
МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ПАРИЖѢ (14 — 21 іюля 1889). Новаго Товарища.	16
ПО ПОВОДУ СТАЧКИ НА ЛОНДОНСКИХЪ ДОКАХЪ. Письмо въ Редакцію. Элеоноры Марксъ-Эвелингъ	35
ОТРЕЧЕНІЕ БУРЖУАЗІИ. (Изъ нѣмецкаго „Соціалъ-демократа“) Фрид. Энгельса.	41
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРѢНІЕ.	46
ИЗМѢНЕНІЕ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ССЫЛЬНЫХЪ ВЪ ЯКУТСКѢ.	58
НОВЫЯ КНИГИ	75
АРЕСТЫ ВЪ РОССІИ	108

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СТОЛѢТІЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Centenaire de 1789. Histoire de la Revolution Française par Paul Janet. Paris.

Въ 1889 Франціей, а съ нею и всѣмъ цивилизованнымъ міромъ праздновалось столѣтіе той Революціи, которую по справедливости называютъ Великой, такъ какъ съ нея начинается новая эпоха въ исторіи. Много благодѣяній принесло съ собою это событіе для всего цивилизованнаго человѣчества вообще, но еще болѣе для буржуазіи въ частности и главнымъ образомъ для французской буржуазіи. Оно положило конецъ господству аристократіи и обезпечило за буржуазіей первое мѣсто рѣшительно во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни. Всѣ попытки Реставраціи измѣнить созданный Революціей порядокъ дѣлъ оказались безуспѣшными, да Реставрація и не пыталась, впрочемъ, устранить главнѣйшія, т. е. соціальныя слѣдствія Великой Революціи. Всѣ понимали тогда, что въ этомъ отношеніи дѣло рѣшено безповоротно, и какъ ни вознаграждай стараго дворянства, — но его руководящая роль въ соціальной жизни окончена навсегда. Съ Великой Революціи начинается рѣшительное господство буржуазіи.

Какъ же не вспоминать ей объ этомъ важномъ событіи? Какъ не праздновать ей его столѣтія? Еще за нѣсколько лѣтъ до столѣтней годовщины Революціи буржуазная печать на всѣ голоса кричала о приближающемся великомъ торжествѣ. Но съ

какой собственно стороны вспоминала буржуазія о буржуазной революціи? Какъ рисовалось въ ея воображеніи это важное событіе?

Передъ нами книга патентованнаго ученаго французской буржуазіи, Поля Жанэ, котораго нѣкоторые и, — какъ кажется самъ онъ въ томъ числѣ, — считаютъ философомъ. Это обстоятельство, — т. е. что Поль Жанэ имѣетъ какое-то, впрочемъ, совершенно непонятное для насъ отношеніе къ философіи, — очень удобно для насъ въ настоящемъ случаѣ. У кого же, какъ не у буржуазнаго философа искать буржуазной философіи Великой Революціи? Итакъ, поищемъ ее въ книгѣ, заглавіе которой мы выписали въ началѣ нашей статьи.

Но прежде одно маленькое замѣчаніе. Читателямъ извѣстно, что въ семнадцатомъ вѣкѣ Англія пережила свои революціонныя бури. Въ этомъ вѣкѣ въ Англіи совершилось двѣ революціи: одна, которая привела, между прочимъ, къ казни короля Карла I, а другая, закончившаяся „веселымъ пиркомъ“ и восшествіемъ на англійскій престолъ новой династіи. Англійская буржуазія совершенно различнымъ образомъ относится къ этимъ революціямъ: первая въ ея глазахъ не заслуживаетъ даже имени революціи и называется просто „великимъ бунтомъ“; другая — величается „славной революціей“ (Glorious Revolution). Тайну этого различнаго отношенія къ двумъ революціямъ разъяснялъ еще Огюстенъ Тьерри въ своихъ статьяхъ объ англійскихъ революціяхъ. Въ первой англійской революціи большую роль игралъ народъ, во второй — онъ, можно сказать, почти совершенно не участвовалъ. Извѣстно, что когда народъ выступаетъ на историческую арену и начинаетъ, по мѣрѣ силъ и пониманія, рѣшать судьбы своей страны, — высшіе классы (въ данномъ случаѣ буржуазія) чувствуютъ себя очень неловко. Народъ всегда „грубъ“, а когда онъ проникается революціоннымъ духомъ, то онъ становится, кромѣ того, еще и непочтителенъ; ну, а высшіе классы всегда стоятъ за тонкую деликатность и за почтительность, по крайней мѣрѣ требуютъ ея отъ народа. Вотъ почему высшіе классы и склонны всегда именовать „бунтами“ тѣ революціонныя движенія, которыя ознаменовываются преобладающимъ участіемъ въ нихъ народа.

Французская исторія особенно богата „великими бунтами“ и „славными революціями“. Но во Франціи дѣло происходило

обыкновенно обратно тому, какъ это было въ Англии XVII-го вѣка. Въ Англии „великій бунтъ“ предшествовалъ „славной революціи.“ Во Франціи дѣло начиналось обыкновенно со „славныхъ революцій“ и только уже послѣ нихъ имѣли мѣсто „великіе бунты.“ Такъ было въ теченіе всего XIX столѣтія. Въ 1830 году совершилась въ Парижѣ „славная революція,“ а въ 1831 году въ Лионѣ происходитъ довольно таки „великій бунтъ“ ткачей, напугавшій всю буржуазію. — Въ Февралѣ 1848 года совершилась до такой степени „славная революція,“ что ее превозносилъ самъ Ламартинъ почти столь же усердно, какъ превозносилъ самого себя. Все шло не то чтобы совсѣмъ уже хорошо, но хоть сносно до тѣхъ поръ, пока въ Іюнѣ не начался новый „великій бунтъ,“ заставившій буржуазію кинуться въ объятія военной диктатуры. Четвертаго Сентября 1870 года произошла самая „славная“ изъ всѣхъ французскихъ революцій, а 18 Марта слѣдующаго года начался самый великій изъ всѣхъ французскихъ бунтовъ. Буржуа утверждаютъ, что „великіе бунты“ всегда портили во Франціи дѣло „славныхъ революцій.“ Мы не можемъ разсуждать теперь, насколько справедливо это въ примѣненіи къ XIX вѣку, у насъ нѣтъ на это времени, такъ какъ намъ нужно побесѣдовать съ буржуазнымъ философомъ о событіяхъ XVIII столѣтія.

Въ концѣ прошлаго вѣка во Франціи также произошли — одинъ „великій бунтъ“ и одна „славная революція.“ Славная революція“ началась въ 1789 году, „великимъ бунтомъ“ ознаменовался въ особенности 1793 годъ. Зная, какъ относится буржуазія къ „великимъ бунтамъ“ и „славнымъ революціямъ,“ читатель напередъ уже можетъ предсказать отношеніе философа буржуазіи, Поля Жанэ, къ революціоннымъ движеніямъ конца XVIII вѣка во Франціи.

„ Чтобы безпристрастно судить о французской революціи, — разсуждаетъ онъ въ заключительной главѣ своей книги — „надо различать въ ней три стороны : *цѣль, средства и достигнутые результаты.* Цѣль революціи... *пріобрѣтеніе гражданскаго равенства и политической свободы...* была самой великой, самой законной, къ какой когда либо стремился народъ.“ Но средства были плохи : „слишкомъ часто они были насильственны и ужасны.“

Что касается до результатовъ, то гражданское равенство вполнѣ достигнуто, по мнѣнію Жанэ, и не оставляетъ желать

ничего большего. Но „политическая свобода господствовала во Франціи со времени революціи лишь перемежающимся образомъ и до сихъ поръ находится въ опасности.“

Она утвердится лишь тогда, когда французы отвыкнутъ отъ всякихъ насильственныхъ, незаконныхъ средствъ; будутъ смотрѣть на свою революцію какъ на законченную разъ на всегда; когда сама революція перейдетъ въ область исторіи такъ же безповоротно, какъ перешли въ эту область революціи Англии и Соединенныхъ Штатовъ. Слѣдуетъ твердо держаться за достигнутые революціей результаты, но отказаться отъ революціоннаго духа, отъ незаконныхъ, насильственныхъ средствъ.

Прекрасно. Но прибѣгать къ революціоннымъ средствамъ стали съ самаго 1789 г., т. е. не только со времени „великаго бунта“, но еще и въ эпоху „славной революціи.“ Неужели даже и „славная революція“ осуждается Полемъ Жанэ за насильственныя средства? Не совсѣмъ такъ, лучше сказать совсѣмъ не такъ. Въ его изложеніи насильственныя средства времени „славной революціи“ оказываются вполне умѣстными, очень полезными и совершенно цѣлесообразными. Онъ относится съ большимъ одобреніемъ ко всѣмъ народнымъ возстаніямъ, направлявшимся противъ королевской власти. Онъ доказываетъ, что безъ этихъ возстаній правительство на первыхъ же порахъ положило бы предѣлъ всѣмъ реформамъ Национальнаго Собранія и великія цѣли революціи не были бы достигнуты. Взятіе Бастиліи онъ привѣтствуетъ какъ „первое побѣдоносное появленіе парижскаго народа на сценѣ революціи.“ Также одобрительно относится онъ и ко второму его появленію на этой сценѣ, 5 и 6 Октября, и ко взятію Тюльери. Только тутъ, доказавши полнѣйшую необходимость сверженія, при самомъ началѣ войны, сносившагося съ непріателемъ короля, Жанэ меланхолически добавляетъ: „Франція начинала привыкать къ этому печальному средству рѣшать политическія задачи“ (ст. 102). Онъ не указываетъ, однако, какимъ же другимъ средствомъ, кромѣ возстанія, можно было рѣшить данную, неотложную задачу?

Только взявъ Тюльери, только совершивъ это послѣднее изъ необходимыхъ, по мнѣнію Жанэ, возстаній, парижскій народъ превращается постепенно, подъ перомъ нашего историка, въ чернь, руководимую низкими страстями. Теперь дѣло разъясняется: Почему не возставать? Возставать можно, только не

нужно при этомъ руководствоваться низкими страстями. Такъ, что ли, нужно понимать буржуазнаго историка? Нѣтъ, не такъ. Оказывается, что въ настоящее время возставать вовсе нѣтъ ни смысла, ни основанія. Возставать можно было только во время „славной революціи.“ Теперь понимаемъ. Свергли короля, прикончили аристократію, дали господство буржуазіи, — и сидите смирно, совершивъ въ предѣлахъ земныхъ все земное. Кто же, кромѣ жалкой черни, могъ и можетъ возставать послѣ этого!

Очень хорошо. Что же дальше? А дальше, разумѣется, вотъ что. Поль Жанэ сочувственно относится ко всѣмъ партіямъ, стоявшимъ поочередно во главѣ движенія, кромѣ монтаньяровъ. На нихъ сосредоточиваетъ онъ всё свое негодованіе, для нихъ берегаетъ онъ всѣ крѣпкія слова и бранные эпитеты.

Между этими злодѣями и „мужественной, великодушной Жирондой“ Жанэ проводитъ слѣдующую интересную параллель: „Какъ одни такъ и другіе хотѣли республики..“ Но жирондисты „хотѣли, республики свободной, законной, милостивой. Монтаньяры желали республики деспотической и ужасной. Не заботясь о свободѣ, монтаньяры дорожили только равенствомъ. И тѣ, и другіе стояли за верховную власть народа; но жирондисты справедливо понимали подъ народомъ всѣхъ; для монтаньяровъ же, по злоупотребленію, которое продолжается и до сихъ поръ, народомъ былъ лишь трудящійся классъ, люди, живущіе работой своихъ рукъ; поэтому однимъ этимъ людямъ и должно было, по мнѣнію монтаньяровъ, принадлежать господство.

Итакъ, политическая программа жирондистовъ сильно отличалась отъ политической программы монтаньяровъ. Откуда происходило это различіе? Самъ Поль Жанэ недурно объясняетъ его происхожденіе. Оно обуславливалось тѣмъ, что монтаньяры иначе, чѣмъ жирондисты, смотрѣли на взаимное отношеніе тогдашнихъ общественныхъ классовъ. Жирондисты „понимали подъ словомъ *народъ всѣхъ*,” въ представленіи монтаньяровъ народъ составлялъ лишь трудящійся классъ. Другіе классы, очевидно, не были въ ихъ глазахъ „народомъ.“ Почему же не были? Вѣроятно потому, что монтаньярамъ казалось, будто интересы этихъ классовъ шли въ разрѣзъ съ интересами класса трудящихся. Вѣдь въ сущности и сами жирондисты понимали подъ словомъ „народъ“ не „всѣхъ,” т. е.

не всю тогдашнюю французскую націю, а только одно третье сословіе. Входила-ли въ ихъ понятіе о народѣ аристократія? Входило-ли высшее духовенство? Вовсе нѣтъ! Аббатъ Сіэйесъ никогда не шелъ такъ далеко, какъ жирондисты, а между тѣмъ и онъ, въ своей брошюрѣ „*Qu'est-ce que le Tiers-Etat?*“ прямо противопоставляетъ „народъ,“ т. е. третье сословіе, кучкѣ „привилегированныхъ,“ т. е. дворянству и высшему духовенству. Неужели жирондисты не одобрили бы подобнаго противопоставленія? Конечно, одобрили бы. Они еще горячѣе возставали противъ „привилегированныхъ.“ Но если за всѣмъ тѣмъ они все таки расходились съ монтаньярами въ своихъ представленіяхъ о „народѣ,“ то не зависѣло ли это оттого, что монтаньяры шли дальше и смотрѣли, какъ на привилегію, на такія общественныя учрежденія, которыя казались жирондистамъ священными и необходимыми? Если это было такъ, то естественно, что классы, извлекавшіе пользу изъ такихъ учреждений, не должны были причисляться монтаньярами къ народу, потому что никто изъ революціонеровъ не причислялъ тогда къ народу „привилегированныхъ.“ Споръ возможенъ былъ только относительно того, какіе именно классы слѣдуетъ причислить къ привилегированнымъ. Монтаньяры считали за народъ только трудящійся классъ, людей, живущихъ работою рукъ своихъ. Такъ не относили-ли они къ „привилегированнымъ“ такихъ людей и такихъ сословій, которыя хотя тоже живутъ „работою рукъ,“ но рукъ чужихъ, а не своихъ собственныхъ. Не такъ-ли было дѣло? Поль Жанэ заставляетъ думать, что такъ.

Теперь для насъ кое-что уже выяснено, неясно только одно: почему люди, отстаивавшіе дѣло трудящагося класса, склонялись къ республикѣ „деспотической и ужасной.“ Почему не явились они, напротивъ, сторонниками „республики законной, свободной и милостивой“? На это могли быть двоякаго рода причины: во-первыхъ, внѣшнія, во-вторыхъ внутреннія. Начнемъ съ внѣшнихъ причинъ, т. е. съ тогдашнихъ отношеній революціонной Франціи къ другимъ государствамъ.

Положеніе Франціи въ то время, когда Гора взяла въ свои руки диктатуру, было отчаянно, почти безнадежно. „Иностранная войска вступили съ четырехъ сторонъ на французскую территорію: съ сѣвера — англичане и австрійцы, въ Эльзасѣ — пруссаки, въ Дофинѣ и до Ліона — пьемонтцы, въ Руссильонѣ — испанцы. И это въ такое время, когда

гражданская война свирѣпствовала въ четырехъ различныхъ пунктахъ: въ Нормандіи, въ Вандеѣ, въ Лионѣ и Тулонѣ“ (ст. 176). Къ открытымъ врагамъ надо прибавить разсыпанныхъ по всей Франціи тайныхъ сторонниковъ стараго порядка, готовыхъ тайкомъ помогать непріятелю.

У правительства, взявшаго на себя борьбу съ безчисленными внѣшними и внутренними врагами, не было ни денегъ, ни достаточнаго войска — ничего, кромѣ безграничной энергіи, горячей поддержки со стороны революціонныхъ элементовъ страны и громадной смѣлости принимать всѣ мѣры для спасенія родины, какъ бы произвольны, незаконны и суровы онѣ ни были. Призвавши къ оружію всю молодежь Франціи и не имѣя ни малѣйшей возможности вооружить и содержать свои арміи на ничтожныя средства, которыя давали налоги, монтаньяры прибѣгли къ реквизиціямъ, конфискаціямъ, насильственнымъ займамъ, принудительному курсу ассигнацій, словомъ *заставили* запуганные ими имущіе классы содѣйствовать спасенію страны денежными пожертвованіями рядомъ съ народомъ, отдававшимъ для этого спасенія свою кровь. Эти насильственные мѣры были безусловно необходимы, если только было необходимо спасеніе Франціи. Значительныхъ матеріальныхъ жертвовацій нельзя было ждать отъ доброй воли частныхъ лицъ; это признаетъ самъ Жанэ. Необходима была и желѣзная энергія правительства, доводившая до величайшаго напряженія всѣ живыя силы Франціи. Жанэ признаетъ и это. Онъ желалъ бы только, чтобы диктатура досталась не отвратительнымъ якобинцамъ, а благородной, умѣренной жирондѣ. Еслибы, въ своей борьбѣ съ Горой, жирондисты остались побѣдителями, говоритъ нашъ авторъ, „они очутились бы точь въ точь въ томъ же положеніи, какъ и сами монтаньяры: имъ тогда пришлось бы бороться съ роялистскими возстаніями, подавлять партію монтаньяровъ, отражать внѣшнее нашествіе и сомнительно, чтобы они могли справиться со всѣми этими бѣдствіями безъ диктатуры. Но эта диктатура была бы менѣе кровавой и болѣе уважала бы право и свободу.“ (ст. 144).

Но на какіе же элементы могли опереться умѣренные и аккуратные жирондисты? Когда, побѣжденные въ Парижѣ монтаньярами, они бросились въ департаменты, то встрѣтили тамъ лишь пассивное сочувствіе „медлительнаго и вялаго,“ по

выраженію Жанэ, средняго класса, да коварную поддержку роялистовъ, отъ которой сами отказались. Не такую-ли же точно поддержку дали бы имъ ихъ сторонники и въ борьбѣ съвнѣшнимъ непріателемъ? Нужно помнить, что низшій, самый революціонный слой населенія — въ особенности парижскаго населенія — не сочувствовали и не могъ сочувствовать Жирондѣ. У него, очевидно, были другія понятія о “народѣ” и его интересахъ, чѣмъ у жирондистовъ, умиляющихъ Жанэ широтою своихъ воззрѣній. Именно это обстоятельство и причинило паденіе жирондистовъ и торжество Горы. Такимъ образомъ, они могли рассчитывать почти исключительно на „медлительный и вялый“ средній классъ. Много-ли можно было ожидать отъ него? Нѣтъ, не по силамъ было умѣренной и либеральной Жирондѣ вывести Францію изъ того критическаго положенія, въ какое попала она въ 1793 году.

Итакъ, по внѣшнимъ причинамъ необходима была диктатура и именно диктатура монтаньяровъ. Но вѣдь когда рѣчь заходитъ о диктатурѣ, то смѣшно и говорить о республикѣ „свободной, законной и милостивой.“ Революціонная диктатура поневолѣ была такъ же строга и немилостива, какъ строги и немилостивы были вызвавшіе ее къ жизни внѣшніе враги республики. Вспомните манифестъ герцога Брауншвейгскаго. Подумайте, чѣмъ грозила реакціонная Европа революціонной Франціи.

Перейдемъ къ внутреннимъ причинамъ, помѣшавшимъ монтаньярамъ склониться къ республикѣ „свободной, законной и милостивой.“ Здѣсь прежде всего мы попросимъ читателя обратить вниманіе на знаменитыя права человѣка и гражданина. Въ числѣ этихъ правъ много было такихъ, которыя совершенно совпадали съ интересами низшаго класса населенія. Но было между ними одно, къ которому онъ съ самаго начала долженъ былъ стать въ странное, полное противорѣчій отношеніе. Мы говоримъ о провозглашенномъ тогда правѣ человѣка на *собственность*. Какъ долженъ былъ понимать это право, напимѣръ, парижскій санкюлотъ? Самое названіе его показываетъ, что собственности у него ровно никакой не было, а между тѣмъ онъ имѣлъ на нее право. Какъ же могъ онъ воспользоваться этимъ превосходнымъ правомъ? За примѣромъ ходить было недалеко. Буржуазія порядочно таки пощипала имущества дворянства и духовенства. Не пощипать ли ему имущество буржуазіи? Почему бы нѣтъ? Санкюлоту жилось

тогда изъ рукъ вонъ плохо, хотя и очень весело. Онъ часто голодалъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, а голодъ, какъ извѣстно, очень вкрадчивый совѣтникъ. И вотъ, нашъ бѣднякъ начинаетъ обнаруживать большую безцеремонность по отношенію къ буржуазнымъ имуществамъ. Буржуазія защищается какъ можетъ. Понятно, какимъ образомъ эта социальная борьба должна была отражаться на политической жизни. „Чернь“ сплывается въ особую партію и выноситъ на своихъ плечахъ монтаньяровъ. Въ то время „чернь“ умѣла постоять за себя и скоро достигла господства. Тогда ей оставалось, повидимому, только воспользоваться своей политической властью и завести такія социальныя учрежденія, благодаря которымъ право человѣка на собственность не было бы уже по отношенію къ ней горькой насмѣшкой. Для тогдашняго, какъ и для современнаго, пролетаріата это возможно было только при одномъ условіи: при полномъ уничтоженіи частной собственности на средства производства и при организаціи производства на общественныхъ началахъ. Но это совершенно невысказано было тогда по двумъ причинамъ, которыя стояли, впрочемъ, въ тѣсной связи одна съ другой: ни самъ пролетаріатъ не былъ достаточно развитъ для этого, ни тогдашнія средства производства не удовлетворяли элементарнѣйшимъ требованіямъ общественной его организаціи. Поэтому и мысль о немъ не приходила въ голову ни тогдашней черни, ни ея образованнымъ представителямъ. Правда, еще до Революціи во французской литературѣ существовало двѣ, три коммунистическихъ утопіи, но онѣ, по указаннымъ причинамъ, и сами не отличались состоятельностью, и никого не могли увлечь за собою. Что же оставалось дѣлать при такихъ условіяхъ восторжествовавшей на время „черни“? Если нельзя было завести общественнаго производства, то частная собственность по необходимости должна была существовать, и для голодающаго народа возможны были только случайныя насильственныя вторженія въ ея область. Онъ и дѣлалъ такія вторженія, за что его до сихъ поръ продолжаютъ поносить всѣ буржуазныя исторіи. Но при насильственныхъ вторженіяхъ въ область частной собственности, республика не могла быть „законной“, потому что законъ обѣщалъ охранять частную собственность. Не могла быть она и „милостивой“, потому что вѣдь имущіе слои общества не сидѣли сложа руки при такомъ обращеніи съ ихъ иму-

ществомъ: они усердно искали удобнаго случая положить предѣлъ господству безцеремонной „черни.“ Борьба между тогдашнимъ пролетаріатомъ и имущимъ классомъ по роковой, неотвратимой необходимости должна была принять террористическій характеръ. Только терроромъ и могъ отстаивать пролетаріатъ свое господство въ своемъ тогдашнемъ положеніи, полномъ самыхъ неразрѣшимыхъ экономическихъ противорѣчій. Еслибы пролетаріатъ обладалъ тогда большею развитостью, если бы въ тогдашней экономической жизни существовали условія, необходимыя для обезпеченія его благосостоянія, то ему не было бы никакой надобности прибѣгать къ террористическимъ мѣрамъ. Посмотрите на буржуазію, которую всѣ историки хвалятъ за ея тогдашнее стремленіе къ „законности.“ Положимъ, и она не давала спуска своимъ врагамъ, и она не отступала въ рѣшительныя минуты передъ рѣшительными мѣрами. Но ея дѣло стояло тогда такъ прочно, что ему не могли въ сущности повредить никакіе противники. Добившись господства въ эпоху своей „славной революціи“ 1789 года, буржуазія безъ большихъ усилій учредила нужный ей общественный порядокъ и придала ему такую прочность, что самые заклятые реакціонеры едва-ли могли серьезно задумываться объ его уничтоженіи, а если бы попытались уничтожить его, то увидѣли бы, что это невозможно. При такихъ условіяхъ хорошо было буржуазіи говорить о „законности.“ Когда ваше дѣло выиграно, а дѣло вашихъ враговъ проиграно навсегда, когда „законнымъ“ порядкомъ сталъ выгодный для васъ порядокъ, тогда съ какой стати станете вы прибѣгать къ незаконному способу дѣйствій? Вы имѣете всѣ основанія думать, что законъ вполне оградитъ всѣ ваши преимущества. Буржуазія стремилась къ законности въ *политикѣ*, потому что историческое развитіе совершенно обезпечило ея торжество въ *экономіи*. На ея мѣстѣ и пролетаріатъ не сталъ бы поступать иначе. Что представители „черни“, монтаньяры, въ принципѣ не менѣе жирондистовъ стояли за свободу и законность, — доказываетъ выработанная ими конституція, самая *свободная* изо всѣхъ, когда либо написанныхъ во Франціи. Этой конституціей вводилось прямое народное законодательство и права исполнительной власти были сведены до минимума. Но по указаннымъ внѣшнимъ и внутреннимъ причинамъ монтаньяры не имѣли возможности привести ее въ дѣйствіе.

Вообще, можно принять за правило, не допускающее исключений, что чѣмъ меньше шансовъ имѣеть данный общественный классъ или слой отстоять свое господство, тѣмъ болѣе склонности обнаруживаетъ онъ къ террористическимъ мѣрамъ. Въ XIX вѣкѣ буржуазія во-очію увидѣла, что шансы ея отстоять свое господство надъ пролетаріатомъ все болѣе и болѣе уменьшаются, — и вотъ она все болѣе и болѣе стремится терроризировать пролетаріатъ. Съ іюньскими инсургентами она расправлялась гораздо свирѣпѣе, чѣмъ съ ліонскими ткачами, возстававшими въ 1831 году, а съ „коммунарами“, 1871 г. — еще свирѣпѣе, чѣмъ съ Іюньскими инсургентами. Терроръ, практикованный буржуазіей надъ пролетаріатомъ далеко, безконечно далеко оставляетъ за собою всѣ (страшно преувеличенные реакціонерами) ужасы якобинскаго террора. Робеспьеръ является просто ангеломъ въ сравненіи съ Тьеромъ, а Маратъ чудомъ доброты и кротости въ сравненіи съ буржуазными строчилами временъ знаменитыхъ майскихъ расправъ. Внимательно вдумываясь во французскую исторію нынѣшняго столѣтія, приходится совершенно согласиться съ Герценомъ, который послѣ іюньскихъ дней писалъ, что нѣтъ и не можетъ быть правительства свирѣпѣе правительства осерчалыхъ лавочниковъ.

Именно благодаря свирѣпости лавочниковъ не могла на долго укрѣпиться и политическая свобода во Франціи. На буржуазію и только на буржуазію падаетъ отвѣтственность за всѣ тѣ частыя уклоненія въ сторону реакціи, какими ознаменовалась французская исторія нынѣшняго вѣка. Даже во время Реставраціи торжество реакціонеровъ въ значительной степени и долгобыло облегчаемо тѣмъ, что, труся передъ рабочими, буржуазія долго не хотѣла вовлекать ихъ въ борьбу.

Возвращаясь къ вопросу о якобинскомъ террорѣ конца прошлаго вѣка, мы скажемъ въ утѣшеніе буржуазнымъ писателямъ, содрогающимся при одномъ воспоминаніи о немъ, слѣдующую, какъ намъ кажется, безспорную истину.

Предстоящій теперь въ цивилизованныхъ странахъ „великій бунтъ“ рабочаго сословія навѣрное не будетъ отличаться жестокостью. Торжество рабочаго дѣла до такой степени обезпечено теперь самой исторіей, что ему не будетъ надобности въ террорѣ. Конечно, буржуазные реакціонеры хорошо сдѣлаютъ, если постараются не попадаться въ желѣзныя объятія побѣдоноснаго пролетаріата. Они поступятъ благообразно, если

не будутъ подражать монархическимъ заговорщикамъ первой революціи. *A la guerre comme a la guerre* справедливо говоритъ пословица, и въ разгарѣ борьбы заговорщикамъ можетъ придтись плохо. Но, повторяемъ, успѣхъ пролетаріата обезпеченъ теперь самой исторіей.

Захвативши политическую власть въ свои руки, онъ хорошо и скоро сьумѣетъ воспользоваться ею для своихъ экономическихъ цѣлей, а затѣмъ, создавши сообразный со своими нуждами общественный порядокъ, онъ поспѣшитъ перейти къ „законности.“ Трудно-ли будетъ ему уважать законы, продиктованные его собственными интересами?

Празднуя столѣтіе всликой Революціи, французская буржуазія какъ бы нарочно задалась цѣлью показать пролетаріату экономическую возможность и необходимость рабочей революціи. Всемирная выставка давала ему прекрасное понятіе о томъ неслыханномъ развитіи, какого достигли въ настоящее время производительныя силы цивилизованныхъ странъ. Ни о чемъ подобномъ не могли даже и мечтать самые смѣлые утописты прошлаго вѣка. Сообразно съ этимъ и освобожденіе пролетаріата — изъ благородной мечты, какою оно было, на примѣръ, во время Бабефа, сдѣлалось теперь историческою неизбѣжностью. Та же самая выставка показала, что при современномъ развитіи производительныхъ силъ и при современномъ анархическомъ состояніи производства промышленные кризисы должны становиться все болѣе и болѣе интенсивными, а слѣдовательно все болѣе и болѣе разрушительно вліять на ходъ всемірнаго хозяйства. Чтобы избавить себя отъ ихъ губельнаго вліянія, европейскому пролетаріату не остается ничего другаго, какъ именно только положить начало той планомѣрной организаціи общественнаго производства, которая была полнѣйшей невозможностью для французскихъ санкюотовъ прошлаго столѣтія. Современныя производительныя силы не только допускаютъ такую организацію, но даже настойчиво требуютъ ея. Безъ нея невозможно воспользоваться ими въ полной мѣрѣ. Въ современныхъ механическихъ мастерскихъ трудъ уже принялъ общественный характеръ. Остается только согласить производительныя функціи такихъ мастерскихъ и соотвѣтственно этому измѣнить характеръ присвоенія продуктовъ: изъ частнаго сдѣлать его общественнымъ. Достиженіе этой цѣли и составляетъ задачу будущаго „великаго бунта“ европейскаго про-

летаріата. Собиравшійся въ Іюль нынѣшняго года въ Парижѣ международный соціалистическій конгрессъ не упустилъ случая напомнить ему объ этой великой задачѣ.

А гдѣ же нашъ Поль Жанэ? Гдѣ нашъ философъ? Онъ здѣсь, но мы совсѣмъ позабыли о немъ, разсуждая о задачахъ европейскаго пролетаріата. А теперь вотъ онъ напоминаетъ намъ о себѣ, увѣряя насъ, что нужно „остаться вѣрнымъ духу революціи, осудивъ революціонный духъ.“ (272) Другими словами это значитъ, что человѣчество въ настоящее время должно довольствоваться результатами, добытыми буржуазіей, благодаря Великой Революціи, и не дѣлать ни шагу далѣе. Мы думаемъ, что надо поступать какъ разъ обратно. *Цѣли буржуазіи* не могутъ быть *цѣлями рабочаго класса*, добытые ею результаты не могутъ удовлетворить его. Поэтому онъ идетъ далѣе, осуждая *буржуазный духъ* Великой Революціи. Но онъ остается вѣренъ *революціонному духу*, потому что оставаться вѣрнымъ ему значитъ неутомимо и безстрашно бороться за лучшее будущее, ведя непримиримую войну со всѣмъ устарѣлымъ и отжившимъ.

Буржуазіи хотѣлось бы убѣдить рабочихъ въ томъ, что современное общество не знаетъ никакого раздѣленія на классы, такъ какъ новѣйшее правовое государство основывается на равенствѣ всѣхъ передъ закономъ. Но это формальное равенство такъ же не утѣшаетъ рабочаго, какъ не утѣшало буржуазію при старомъ режимѣ провозглашенное христіанствомъ равенство всѣхъ передъ богомъ. Не довольствуясь этимъ фантастическимъ равенствомъ, буржуазія не успокоилась до тѣхъ поръ, пока не обезпечила за собою всѣхъ возможныхъ благъ земной жизни. Не удивляйтесь же, господа, что пролетаріатъ не довольствуется юридическими фикціями и говоритъ, что пока существуетъ экономическое неравенство, — въ дѣйствительной жизни равенства нѣтъ и быть не можетъ.

Буржуазіи хотѣлось бы также увѣрить рабочихъ, что въ области экономіи теперь уже нечего дѣлать и что поэтому имъ остается лишь развлекаться забавами „чистой“ политики. Но для рабочихъ заниматься „чистой политикой“ значитъ идти во хвостъ буржуазныхъ партій. И буржуазія сама прекрасно понимаетъ это значеніе „чистой политики.“ По крайней мѣрѣ — понимала это прежде, когда боролась съ дворянствомъ и духовенствомъ. Въ цитированной уже выше брошюрѣ *Qu'est-ce*

que le Tiers-Etat?, которую можно назвать программой французской буржуазии 1789 года, софизмы „чистых политиков“, принадлежавших тогда къ первымъ двумъ сословіямъ, опровергнуты съ большимъ искусствомъ. Аббатъ Сіэйесъ утверждалъ, что нація фактически раздѣлена на два лагеря: лагерь привилегированныхъ и лагерь угнетенныхъ. Это фактическое раздѣленіе должно отразиться и въ политикѣ. Пусть привилегированные отстаиваютъ политическими мѣрами свои привилегіи: это естественно и понятно; но пусть и угнетенные не забываютъ своихъ интересовъ, пусть они выступаютъ на открывающуюся арену политической жизни, сплотившись *въ особую партію*. Эта проповѣдь и до настоящей минуты сохранила свой смыслъ и свое значеніе. Обстоятельства измѣнились лишь въ томъ, что теперь привилегированное мѣсто занимаетъ буржуазія. Какъ же не группироваться рабочимъ въ особую партію угнетенныхъ, враждебную привилегированной буржуазіи?

Во время „великаго бунта“ французской „черни“ конца прошлаго вѣка противорѣчіе классовыхъ интересовъ буржуазіи и пролетаріата находилось еще въ зародышѣ. Поэтому и сознаніе его въ умахъ пролетаріевъ было еще очень неясно. Выше, объясняя смыслъ того, что Поль Жанэ сказалъ объ якобинскомъ пониманіи „народа“, мы приписали якобинцамъ враждебное отношеніе ко всѣмъ классамъ, живущимъ работою *рукъ чужихъ*, а не своихъ собственныхъ. Такое пониманіе необходимо вытекало изъ словъ нашего автора. И оно было вѣрно въ томъ смыслѣ, что монтаньяры на дѣлѣ и по инстинкту всегда стремились отстаивать интересы бѣднѣйшаго класса населенія. Но въ ихъ взглядахъ была такая сторона, которая при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, сообщила бы имъ совершенно буржуазный характеръ. Эта сторона ихъ взглядовъ очень замѣтна въ рѣчахъ Робеспьера. Она же подвинула якобинцевъ на борьбу противъ гебертистовъ и вообще противъ сторонниковъ такъ называвшихся тогда аграрныхъ законовъ. Но и въ „аграрныхъ законахъ“, какъ они рисовались въ воображеніи ихъ сторонниковъ, не было ничего коммунистическаго. Частная собственность и неизбѣжно связанная съ нею мелкобуржуазныя стремленія какъ бы насильно вторгались тогда въ программы самыхъ крайнихъ революціонеровъ. Только Бабефъ становится уже на другую точку зрѣнія, но онъ

является уже въ послѣднемъ дѣйствіи великой трагедіи, когда силы пролетаріата были совершенно истощены предшествовавшей борьбою. Партія монтаньяровъ именно и разбилась объ это противорѣчіе между ихъ мелкобуржуазными понятіями и ихъ стремленіемъ отстаивать интересы пролетаріата.

Въ настоящее время представители рабочаго класса вполне чужды подобныхъ противорѣчій. Современный научный социализмъ является именно теоретическимъ выраженіемъ непримиримой противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата. Совершаясь подъ его знаменемъ, предстоящее революціонное движеніе рабочихъ будетъ, собственно говоря, уже не „бунтомъ“, хотя бы и „великимъ“, а побѣдоносной *Революціей*, гораздо болѣе *славной*, чѣмъ всѣ „славныя“ революціи буржуазіи.

Сила, простая голая сила штыковъ и пушекъ все болѣе и болѣе становится теперь единственной опорой господства буржуазіи. Въ ея рядахъ появляются откровенные „теоретики“, открыто признающіе, что современный буржуазный порядокъ не имѣетъ никакихъ теоретическихъ оправданій, да и не нуждается въ нихъ, потому что сила на сторонѣ буржуазіи. Такъ разсуждаетъ напимѣръ, въ своей книгѣ „*Rechtsstaat und Socialismus*“ австрійскій профессоръ Гумпловичъ. Но всегда-ли сила будетъ на сторонѣ буржуазіи?

Когда, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій Генеральныхъ Штатовъ, представители дворянства и духовенства сослались на то, что въ основѣ ихъ привилегій лежитъ историческое право завоеванія, — теоретикъ буржуазіи, аббатъ Сіэйесъ, гордо отвѣчалъ имъ: *Rien que cela, messieurs? Nous serons conquérants à notre tour!*

Совершенно то же можетъ отвѣтить и рабочій классъ проповѣдникамъ буржуазнаго насилія.

Столѣтняя годовщина Великой Революціи лишній разъ напомнила пролетаріату, что для его экономическаго освобожденія сдѣлано до сихъ поръ слишкомъ мало, да и не можетъ быть сдѣлано много до тѣхъ поръ, пока онъ, въ свою очередь, не явится *побѣдоноснымъ завоевателемъ*.
